

Со́ня ПАШТЕ́КОВА
(Братислава)

Символика Петербурга/Ленинграда в поэзии Анны Ахматовой

Symbolism of Sankt-Peterburg/Leningrad in A. Akhmatova's Poetry

Topos of a city (Petersburg-Leningrad) that is becoming a lyrical object as well as a lyrical subject, a starting point in her spiritual world and an aesthetical model of poetry gains a great significance in the ontology of Anna Akhmatova's poetic text. Thus, after Pushkin, Gogol, Dostoyevsky, Bely or Blok, Akhmatova significantly broadens the so-called Petersburg text in Russian literature. She enters into a dialogue with the cultural tradition of the city that assumes a *pars pro toto* role of the whole Russia. The poetess becomes part of Petersburg's mythology, an icon of cultural independence of the country (also in connection with the Zoshchenko – Akhmatova cause when after the party intervention in 1946 both authors were put out of the official literary scene).

Akhmatova's poetry is a complex autobiographical reflection of a woman, a lover and a mother during significant periods in Russian history. Problems of the epoch dictate new themes and poetics to her; questions related to cultural memory of the nation get to the foreground as well as the destinies of the generation and the view in the historical perspective, Biblical motives as an analogy with the destiny of the nation (poems called *Requiem* and *Poem without a Hero*). On the semantic level the base of Akhmatova's text is time-space of the city: Petersburg-Leningrad as a historical-geographical space as well as time-space of the existence of a lyrical subject and its self-realization. Projection of Christian symbolism to the historical space of the city is realized in two layers, a real and a mythological one, in the

process of which the city functions in a new context of meaning (as a space of cultural memory, as a mysterious illusion, a city of the dead, New Jerusalem, and the like).

В поэтической системе Анны Ахматовой (1889–1966) семантический акцент постепенно смещается с любовной и интимной лирики в ее ранних сборниках (*Вечер*, 1912; *Четки*, 1913; *Белая стая*, 1917) на темы общественные и общенародные (темы поколений). В зрелом творчестве, представленном, в особенности, поэмой *Реквием* (1935–1943, публ. 1987) и *Поэмой без героя* (1940–1962), возникает слияние мотивов исторических катаклизмов России (Первая мировая война, революция 1917, сталинский террор, блокада Ленинграда) с личной трагедией Ахматовой (казнь мужа, арест сына, преследование поэтессы советским режимом).

В онтологии ее поэтического текста все большее значение получает топос города – «гордого и величественного», «жалкого и покорного» Петрограда-Ленинграда, где Ахматова прожила большую часть своей жизни. Любимый город на Неве, неразрывно связанный с творчеством Ахматовой, становится «спутником жизни» поэтессы, лирическим объектом и субъектом одновременно, исходной точкой ее духовного мира и модели поэзии. По принципу метонимии (синекдохи) город выступает в роли *pars pro toto* всей России, из которой поэтесса никогда не эмигрировала:

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, –
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.
(Реквием, 1961)

Загадочный образ «призрачного и магического» Петербурга достаточно распространен в русской литературе. В 19-м веке он появляется в пушкинских портретах патопсихологических персонажей (*Пиковая дама*, *Медный всадник*); его интенсивность увеличивается в абсурдном гротеске гоголевских *Петербургских повестей*; кульминации достигает в экзистенциальной прозе Достоевского (*Белые ночи*, *Униженные и оскорбленные*, *Преступление и наказание*). В литературе 20-го века этот образ резонирует в поэзии А. Блока, в экспериментальном произведении А. Белого (роман *Петербург*), в поэтическом творчестве А. Ахматовой, построенном на контрасте русской культурной традиции и апокалипсической современности.

Топос города можно воспринимать как историко-географический феномен, а также как культурную метафору. В русской литературе существует понятие Петербурга-Ленинграда, основанное на многократной амбивалент-

Символика Петербурга/Ленинграда

ности между Востоком и Западом (Россией и Европой), мифом и реальностью, новаторством и традицией. Через повторение мотивов *камня и воды* воссоздается принцип жизни и смерти, контраст стабильности и разрушения культурной памяти. Ю. Лотман в своих трудах, посвященных семиотике культуры, обращает внимание на специфическое соединение реальной географии города с географией мифологической (политической, религиозной, культурной). Петербург воспринимается как символ русско-европейского города, причем автором мифологии является сам Петр I с его концепцией искусственно созданной западной столицы в русском географическом пространстве.

Петербург – это оригинальная семантическая трансформация западной архитектуры (элементов Ренессанса, барокко и классицизма) и европейских культурных моделей (итальянских, французских, немецких, голландских и др.) в русском контексте. Это уникальный архитекторико-семиотический феномен, ставший символом всей России; но, в то же время, это живой, динамический организм, функционирующий на основе собственных закономерностей в пространстве и времени. Петербургский текст – это своеобразная манифестация антропологизации культурного пространства, свойственный жителям города психологический тип. По словам В. Сватоня, Петербург является „určitou štruktúrou ľudského života, modelom existencie, sídlom degradácie prirodzených životných hodnôt a vzťahov, ktoré spoločne s chaosom zmiešavajú kontrast dobra a zla v akýsi 'neurčitý tvar' (Gogol'), pričom u ruských spisovateľov má mesto ešte jeden špecifický rys, neprirodzenosť sa tu javí ako príťažnosť, nereálnosť“.¹

После Пушкина, Гоголя, Достоевского или Блока поэзия Ахматовой значительно расширяет так называемый «петербургский текст» русской литературы. Она вступает в диалог с культурной традицией города и, подобно своему поэтическому эталону, – «представителю классической и чистой стихотворной гармонии» А. С. Пушкину – становится частью городской мифологии. Мотив Петербурга можно обнаружить уже в ее первых сборниках *Четки* (стихотворение *Стихи о Петербурге*, 1913), *Белая стая* (1913) – в виде упоминания о чудесном городе Петровом, многоводном, темном городе, мрачнейшей из столиц – так же, как и в поздних стихах *Статуя «Ночь» в Летнем саду* (1942), *Летний сад* (1952), в цикле *Северные элегии* (1943–1953) и т. п.

Ахматова ведет вневременной диалог с петербургскими писателями – Пушкиным, Гоголем и Достоевским, с поэтом Некрасовым и сатириком Щедриным, которые, подобно самой писательнице, жили на Литейной улице;

¹ SVATOŇ, V.: Gogolovo symbolické město. In: Z druhého břehu. Studie a eseje o ruské literatuře. Praha 2002, s. 217-229.

она с почтением останавливается перед их мемориальными досками. Близость к творчеству Пушкина Ахматова выражает в поэме *Реквием*, относящейся к периоду после ареста сына, посредством применения стихотворения Пушкина *В Сибирь*:

Но крепки тюремные затворы,
А за ними "каторжные норы"
И смертельная тоска.
(Реквием, *Посвящение*)

С арестом сына связан также намек на стихотворение Пушкина *Памятник*, хотя, разумеется, традиция „памятника“ у Ахматовой шире, восходит еще к Горацию в эпилоге поэмы:

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием - не ставить его
Ни около моря, где я родилась
(Последняя с морем разорвана связь),
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забывать громыхание черных марушь,
Забывать, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.
И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы струится подтаявший снег,
И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.
(Реквием, *Эпилог*)

Навсегда предзнаменованное поэтикой *акмеизма*, поэтическое творчество А. Ахматовой является сложной автобиографической рефлексией женщины и матери в переломные моменты истории России. Проблемы эпохи диктуют ей новые темы и особенности поэтики, на первый план выступают вопросы культурной памяти народа, судьбы поколения, взгляд в историческую перспективу, библейские мотивы в качестве аналогии к современным событиям. Жанр лирического дневника, романских или драматических миниатюр из ее

Символика Петербурга/Ленинграда

ранних стихов трансформируется и обретает еще более углубившийся психологизм и драматизм. В смысле средств выразительности это сдвиг в направлении к оде и пророческой интонации.

Сюжет воплотился в ее лиро-эпических произведениях *Реквием* и *Поэма без героя*. Авторский стиль не претерпевает значительных изменений, однако темы ее поэзии меняются, отмеченные реальностью исторических катастроф страны и личных драм. Благодаря своим поздним поэмам, Ахматова становится символом художественной и культурной независимости России; с ее авторской концепцией мира отождествляют себя ее современники (в том числе в связи с делом Зощенко – Ахматовой, когда после партийного постановления 1946 г. оба популярных ленинградских автора были изгнаны из официальной литературы).

Важность подтекста, многозначительной недосказанности является одним из основных принципов лирического выражения Ахматовой. Образы природы и внешнего пространства (города) с чувством детали и аутентичности переживания копируют внутреннее состояние субъекта. В смысле отмеченных намеков, недосказанности или молчания ее творчество – единая бесконечная история, лирическая автобиография и самопрезентация. Монтаж (лента) является специфической жанровой формой фрагментарной рефлексии и поэтического самовыражения. Обрывок реальности, наблюдение, эмоционально окрашенный минисюжет (сюжет-фрагмент, сюжет-трагедия) представляют собой составную часть большего жанрово-семантического целого. Поэтический текст Ахматовой – это особенная лиро-эпическая форма, для которой типичной является некоторая межжанровость и межвидовость – лиричность, прозаичность и драматичность в одно и то же время.

Поэма *Реквием* своим трагическим оттенком и жанровой неопределенностью вызывает в воображении форму баллады. Речь идет о некоем пограничном жанре (лирический субъект, сюжет, драматическое напряжение), стиль которого близок русскому фольклору, народной поэзии (поэма-плач). Одновременно с этим он напоминает католическое богослужение по усопшему или музыкальное произведение траурного характера (поэма-панихида). Эмоциональный рассказ матери соединяется с обвинением режима:

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки.
Смертный пот на челе... не забыть!
Буду я, как стрелецкие женки,

Под кремлевскими башнями выть.
(Реквием, *Вступление*)

Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.
Входит в шапке набекрень -
Видит желтый месяц тень.

Эта женщина больна,
Эта женщина одна,
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.
(Реквием, *Вступление*)

Легкие летят недели,
Что случилось, не пойму.
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые глядели,
Как они опять глядят
Ястребиным жарким оком,
О твоём кресте высоком
И о смерти говорят.
(Реквием, *Посвящение*)

Поэма включает в себя несколько семантических уровней, построенных на оригинальной системе символов и образов: философские размышления о печальной участи женщины на трагическом фоне эпохи, повторение «вечных культурных образов» и библейских архетипов (распятого сына и страдающей матери, греха и кары, жертвы и искупления, смерти и воскресения). С конкретной биографией автора, с религиозным подтекстом поэмы переплетается апокалипсическое видение судьбы собственного поколения в образе любимого города:

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки.

Символика Петербурга/Ленинграда

Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.
(Реквием, *Посвящение*)

В семантической плоскости сущностью ахматовского текста является время-пространство города (Петербург-Ленинград как историко-географическое пространство), что подтверждает и высокая частотность слов из области архитектуры (здания, мосты, башни, храмы, скульптуры и т. п.), и существование поэтического субъекта и его самопроекции в виде времени-пространства: „Čas a priestor, presnejšie individuálna forma ich vnímania, individuálna forma vnímania seba v čase a priestore a priestoru a času v sebe má teda v lyrickom texte výrazne sémantickú funkciu, ktorá sa realizuje nielen na úrovni systému básnickej obraznosti, ale premieta sa aj do ďalších rovín autorského kódu (vrátane poetiky) a v konečnom dôsledku pomáha dešifrovať špecifiku hodnotových postojov a orientáciu autorského a lyrického subjektu“.²

Топос Петербурга в поэзии Ахматовой становится символом страдания народа, распятой России. Проекция христианской символики на историческое пространство города реализуется на двух уровнях – реальном и мифологическом, причем город здесь действует в новом смысловом контексте (как пространство культурной памяти, таинственный фантом, город мертвых, новый Иерусалим).

Как отмечают некоторые исследователи (Лотман, Бурдина)³, исходная точка «петербургского мифа» в русской литературе – контраст мотивов *камня* и *воды* (Петербург – каменный город, поставленный на воде) как антитеза вечного и преходящего, традиции и хаоса, жизни и смерти. Эстетическая параллель *камня* и *воды* является «центром тяжести» в культурной истории города, поэтическим воплощением духовной сущности конкретного географического пространства. В ранней лирике акмеистический мотив камня (см. *Камень* Мандельштама, *Лаодамия* Анненского) – это эмоциональное выражение негативного любовного переживания (разлука, разрыв). В поэме *Реквием* он становится метафорой отмеченной выше судьбы матери и ее

² ELIÁŠ, A.: *Demiurg či reptajúca trstina? Lyrický subjekt v ruskej romantickej, postromantickej a neoromantickej poézii*. Bratislava 2008, s. 7-8.

³ LOTMAN, J.: *Simvolika Peterburga i problemy semiotiky goroda*. In: *Istorija i tipologia ruskoj kul'tury*. Sankt-Petrburg 2008, s. 32; BURDINA, S. V.: *Simfonia o sud'be pokolenija: liro-epičeskaja trilogija A. Achmatovoj*. In: *Russkaja literatura XX-XXI vekov: problemy teorii i metodologii izučenija*. Moskva 2004; BURDINA, S. V.: *Achmatovskaja glava „peterburgskogo mifa“ ruskoj poezii: „Rekvie“*. In: *Russkaja literatura 1920-ch godov. Chudožestvennyj text i istoriko-kul'turnyj kontekst*. Perm 2002.

народа во время сталинских репрессий, где процесс окаменения является выражением душевного состояния лирического субъекта, реакцией на переживание трагических событий, защитной реакцией на боль и страдания.

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.
(Реквием, *Приговор*)

Ахматова монументализирует страдание матери в поэме *Реквием*, в части *Распятие*:

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.
(Реквием, *Распятие*)

С традицией ленинградского Апокалипсиса в поэтическом тексте Ахматовой тесно связан мотив *воды*, образ Невы-Леты, мифической реки забвения, которая представляет собой знак разрушения культурной памяти народа, метафору хаоса и смерти (Ленинград 30-х годов). В некоторых случаях, однако, река выступает в роли союзника подвергнутого истязаниям народа:

По столице одичалой шли,
Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже и Нева туманней,
А надежда все поет вдали.
(Реквием, *Посвящение*)

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река
(Реквием, *Посвящение*)

Глубокие размышления над различными эпохами русской истории стилизованы у Ахматовой в виде проекции динамического процесса, где большое

Символика Петербурга/Ленинграда

значение играет время-пространство города. В ее поэзии часто появляются такие слова, как «год», «столетие», «эпоха», так же как и конкретные даты, относящиеся к знаменательным историческим событиям России (стихотворение *Петербург в 1913 году* и т. д.). В ее стихах усиливается патетико-героический тон, отсылающий к жанру стихотворения-оды или хвалебного стихотворения-гимна.

В *Поэме без героя*, в многоуровневом поэтическом образовании, автор оживляет русскую действительность начала 20-го века. Главным героем здесь является город, Петроград накануне Первой мировой войны, мир русской артистической богемы. В четырех частях поэмы переплетаются прошлое города с настоящим Ленинграда, оккупированного фашистами. Верная царскосельской традиции, Ахматова навсегда связана с судьбой северной русской столицы, с ее улицами, музеями, дворцами и кладбищами. Для многих она стала символом культурной независимости севера, и теперь мало кто помнит, что поэтесса родилась у Черного моря.

Художественное отражение исторических и общественно-политических событий России, наблюдаемое в поэзии Ахматовой, специфическим образом воспринимается и в процессе рецепции ее творчества и переводов в чешской и словацкой культурной среде. В известном смысле взаимосвязям рецепции посвящены работы М. Кусой *Anna Achmatovová v slovenských a českých prekladoch* и О. Рихтерека *Umělecké poselství Anny Achmatovové a česká kultura*⁴.

Восприятие поэтессы в нашем пространстве симптоматично и в известной мере копирует свойственные эпохе общественно-политические движения передающей (Россия) и принимающей среды (Чехия, Словакия). Книжные переводы Ахматовой в обеих культурах⁵ предстают в виде почти идентичных волн рецепции (послевоенный 1947 год, более либеральные 60-е годы, период после падения коммунизма в 1989 году), что характерно для восприятия творчества русских модернистов в чешско-словацком контексте 20-го века.

⁴ KUSÁ, M.: Anna Achmatovová v slovenských a českých prekladoch alebo potreba a význam areálu. In: KUSÁ, M.: Preklad ako súčasť dejín kultúrneho priestoru. Bratislava 2004, s. 9–98; RICHTEREK, O.: Umělecké poselství Anny Achmatovové a česká kultura. In: RICHTEREK, O.: Dialóg kultur v uměleckém překlade. Příspěvek k česko-ruským kulturním vztahům. Hradec Králové 1999.

⁵ České preklady *Bíle hejno*, 1947; *Milostný deník*, 1963; *Modrý večer*, 1989; *Vestálka paměti*, 1990; *Requiem*, čas, 1997; slovenské preklady *Z novšej ruskej poézie*, 1947 – prel. J. Jesenský; *Lúboštný denník*, 1964 – prel. R. Skukálek; *Requiem*, čas. 1967 – prel. J. Majerník; *Spálený zošit*, 1981; výber z poézie v *Antológii sovietskej poézie XX. storočia*, 1981; *Vrcholiaca luna*, 1989; *Biely krádel'*, 2002 – prel. J. Zambor.

Использованная литература:

- ACHMATOVA, A.: Iz semi knig. Stichotvorenija. Requiem. Sankt-Peterburg 2007.
- BURDINA, S. V.: Simfoniya o sud'be pokolenija: liro-epičeskaja trilogija A. Achmatovoj. In: Russkaja literatura XX-XXI vekov: problemy teorii i metodologii izučeniya. Moskva 2004.
- BURDINA, S. V.: Achmatovskaja glava „peterburgskogo mifa“ russkoj poezii: „Rekviem“. In: Russkaja literatura 1920-ch godov. Chudožestvennyj text iistoriko-kul'turnyj kontekst. Perm 2002.
- CIVIAN, T.: „Poema bez geroja“: ješčo raz o mnogovariantnosti. In: Achmatovskij sbornik. Paríž 989, s. 123–129.
- ČUKOVSKIJ, K.: Anna Achmatova. In: ACHMATOVA, A.: Iz semi knig. Sankt-Peterburg 2007, s. 5–30.
- ELIÁŠ, A.: Demiurg či reptajúca trstina? Lyrický subjekt v ruskej romantickej, postromantickej a neoromantickej poézii. Bratislava 2008.
- KUSÁ, M.: Ruská poézia po roku 1945. In: KUSÁ, M.: Literárny život, literárne dianie, literárny proces. B. 1997
- KUSÁ, M.: Anna Achmatovová v slovenských a českých prekladoch alebo potreba a význam areálu. In: KUSÁ, M.: Preklad ako súčasť dejín kultúrneho priestoru. Bratislava 2004, s. 9–98.
- LOTMAN, J.: Aktualnyje problemy semiotiky kul'tury. Tartu 1987, s. 150.
- LOTMAN, J.: Simvolika Peterburga i problemy semiotiky goroda. In: Istorija i tipologija russkoj kul'tury. Sankt-Petrburg 2008, s. 32.
- RICHTEREK, O.: Umělecké poselství Anny Achmatovové a česká kultura. In: RICHTEREK, O.: Dialóg kultur v uměleckém překladu. Příspěvek k česko-ruským kulturním vztahům. Hradec Králové 1999.
- Slovník ruskej literatúry 11.–20. storočia. Bratislava 2007.
- SVATOŇ, V.: Gogolovo symbolické město. In: Z druhého břehu. Studie a eseje o ruské literatuře. Praha 2002.